

упрекает свою подругу: «Милочка, о своей личной жизни ты умалчиваешь..., где сейчас твои родные, почему ты живешь у тети? Мне бы намного лучше было, если бы у меня была мама, а так приходится мириться со многими неудобствами». Что на эти упреки и жалобы могла ответить Милочка? Что мать у нее в тюрьме, как сотрудничавшая с немцами, что из-за этого ее не принимают на работу по специальности?

Больше всего Нина Александровна переживала из-за того, что ее судимость отрицательно влияет на жизнь ее дочери. В ее посланиях то и дело встречаются намеки, чтобы Милочка не писала лишнее или что-то опрометчивое. Почти в каждом письме она пишет об этом, а когда уже приближался срок освобождения, даже подумывала не возвращаться к родным, чтобы избавить их от своей обузы: «Жизнь сложилась так неудачно, и во многом виновата я. Я не могу просить у тебя прощения. Я не заслужила его. Но, моя Милочка, я не хотела, это сложилось не по моему желанию, а предотвратить все неудачи я не сумела, не хватило смекалки устраивать для тебя жизнь поининому. Как хочешь, моя родная, так и устраивайся теперь сама. Я для тебя обуза и только».

Всего сохранилось более 30 писем. Заключенные в год имели право написать всего несколько писем. Таким образом, за 10 лет примерно столько весточек и имела возможность Нина Александровна послать родным.

Держишь в руках листы, пропахшие тленом прошлого, на которых, как бы еще заметны, тени следователей, надзирателей и сокамерниц, и перед тобой раскрываются картины страданий женщины, бытовые детали тюремной и лагерной жизни. И в то же время эти послания из ГУЛАГа потрясают чистотой души и несломленностью духа этой женщины. Несмотря на свалившиеся на нее страдания, она больше думала о благополучии своих родных, чем о себе. Хотя, как женщина, и отпускала иногда «шпильки» в адрес своего мужа Вячеслава Петровича. Привыкшая жить в относительном комфорте провинциального городка, вышедшая из интеллигентной среды, Нина Александровна, конечно, могла позволить себе «покапризничать», хотя бы в письмах, в адрес мужа, который, увы, никак не мог повлиять на ее тюремное содержание.

Дни Нины Ивановны в заключении было заполнены тяжелым трудом и так однообразны, что она в письмах возводит в значительное событие то, как вяжет шерстяные чулки: «Один чулок сегодня кончу, а завтра начну второй. Неспеша свяжу себе очень хорошие шерстяные чулки». Ей хотелось познакомить своих